

СОЛДАТЫ
ПОБЕДЫ

**ДМИТРИЙ
ЯЗОВ**

**МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

Солдаты Победы

Дмитрий Язов

Маршал Советского Союза

«Алисторус»

2010

Язов Д. Т.

Маршал Советского Союза / Д. Т. Язов — «Алисторус»,
2010 — (Солдаты Победы)

Дмитрий Тимофеевич Язов – последний (по дате присвоения звания) Маршал Советского Союза. Его жизненный путь – это путь солдата, служащего своей Родине и верного присяге, которую, как известно, принимают только один раз. В Красную Армию Дмитрий Язов вступил добровольно в ноябре 1941 года, не окончив среднюю школу. Был ранен в боях, награжден орденом... В 1987 году Д.Т. Язов был назначен на должность министра обороны СССР и до конца отстаивал интересы советской державы. 19 августа 1991-го года Д.Т. Язов вошел в состав ГКЧП, за что был арестован. Как пишет в предисловии к книге Д.Т. Язова известный писатель Владимир Карпов, «в своем произведении Дмитрий Тимофеевич поступил как опытный литератор, он не пошел затоптанными мемуарными тропами. Главы о катастрофе, называемой «перестройкой», перемежаются с воспоминаниями о Великой Отечественной войне. А страницы, передающие высочайший накал роковых событий августа 1991 года, а затем описывающие пребывание автора в тюрьме, подкреплены фактурными пластами жизни и службы в мирное время».

© Язов Д. Т., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Вместо предисловия	5
Из Фороса – в Москву	6
Путь к фронту	8
«Санаторий» Сенеж. Первые допросы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Тимофеевич Язов

Маршал Советского Союза

Вместо предисловия

Мы с Дмитрием Тимофеевичем ровесники и по годам, и по службе в первой ее половине. На фронте и он, и я в 1942 году командовали взводами и ротами. Мы однокашники по Военной академии им. Фрунзе, позднее командовали полками, дивизиями.

Ну, а потом моя судьба свернула на тернистую писательскую дорогу, а Дмитрий Тимофеевич продолжал продвигаться по служебной лестнице и дошел до самых высоких званий и должностей.

Но, достигнув головокружительных высот, Дмитрий Тимофеевич не заболел «звездной болезнью», оставаясь для меня и многих других сослуживцев добрым, отзывчивым товарищем.

Я знал, что маршал пишет мемуары, и думал, что начнет он, как и многие наши военачальники, свои воспоминания с далекого детства, «глухой деревеньки», «бедняцкой многодетной семьи», словом, с того, что читателям давно уже известно.

Но, открыв первую страницу рукописи, я с радостью обнаружил: Дмитрий Тимофеевич поступил, как опытный литератор, он не пошел затоптанными мемуарными тропами, набившими оскомину.

Главы о катастрофе, называемой «перестройкой», перемежаются с воспоминаниями об участии Язова в Великой Отечественной войне. А страницы, передающие высочайший накал роковых событий августа 1991 года, а затем и описывающие пребывание автора в тюрьме, подкреплены фактурными пластами жизни и службы в мирное время.

Без нажима и педалирования на трудности и заслуги маршал – узник «Матросской тишины» – как бы подчеркивает: вот смотрите – вы посадили за решетку патриотов земли русской, отдавших все свои силы и знания защите Родины.

Общая конструкция книги, организация обширного и очень сложного материала, осуществленная автором мастерски, умение справиться с такой машиной и не утонуть в море событий, охватывающих полувековую жизнь и службу, – это не каждому по силам.

Хочу отметить, что маршал Язов, как и маршал Жуков, писал свои мемуары, находясь в опале. Оба были неуютны в лагере имущих, оба создавали свои книги без помощи литзаписчиков, и оба с большим трудом добивались опубликования своих рукописей.

Главное маршалом Язовым сделано: книга написана, и ей предстоит занять достойное место в нашей отечественной Истории.

*Владимир КАРПОВ, Герой Советского Союза,
лауреат Государственной премии СССР,
лауреат международных премий, академик, писатель*

Из Фороса – в Москву

Это случилось в 2 часа 15 минут 22 августа 1991 года. Разрывая густые облака, самолет Ил-62 вышел на посадочную прямую во Внуково.

Предчувствуя недоброе, я всматривался через иллюминатор на ярко освещенную прожекторами площадку перед Внуково-2, где уже сустились какие-то люди в камуфлированной форме, бегали солдаты. «Ну что же, – подумал я, – освещают, значит, вот-вот грянет политический театр. Статисты уже под «юпитерами».

Перед нами приземлился Ту-134, на котором прилетел президент М.С. Горбачев со своей прислугой и охраной. Сопровождали его из Фороса А. Руцкой, И. Силаев и В. Бакатин. В этот же самолет под предлогом «поговорим по душам в самолете» пригласили и В. Крючкова.

Мы – А.И. Лукьянов, В. И ваш ко, О.Д. Бакланов, А. Тизяков и я – вылетели из Крыма через 15–20 минут после президентского лайнера.

И вот поданы трапы. Я обратил внимание, что к каждому трапу поспешили крепыши из соответствующих спецслужб. Они приняли устрашающую стойку, пытаясь припугнуть кое-кого из именитых пассажиров. Первым к трапу направился В. Баранников. Оценив все эти маневры, я сказал сопровождающему меня полковнику П. Акимову, что мы подоспели к аресту.

– Не может быть, – возразил он, – от президента передали: вам назначена встреча в Кремле в 10 часов утра.

Спустившись по трапу, мы направились к зданию аэропорта. При входе в зал Баранников сказал Акимову: «Вы свободны», а затем мне: «А вас прошу пройти в следующий зал».

Вошли в небольшую комнату, где обычно размещалась охрана. Здесь к нам поспешил незнакомый человек с копной нестриженных волос на голове. Он довольно бойко представился: «Прокурор Российской Федерации Степанков Валентин Георгиевич!» – и спросил, есть ли у меня оружие. Затем объявил, что я арестован по подозрению в измене Родине в соответствии со статьей 64 УПК.

За дверями рычали автомобили. Люди из ведомства Баранникова выстраивали машины. Меня подвели к «Волге», толкнули на заднее сиденье между вооруженными автоматами Калашникова охранниками.

Наступила зловещая тишина. Темная беззвездная ночь давила на сознание: «Я арестован».

В. Крючкова арестовали минут на двадцать раньше. Он уже сидел в одной из машин, запрудивших весь проезд у боковых ворот аэропорта. А.Тизякова арестовали чуть позже. Мы долго сидели в машинах. Баранников витийствовал, продолжая «украшать» машины арестантами. Между «Волгами» с «изменниками» расставлял автобусы с курсантами Рязанской школы милиции. Я конечно же знал старинную русскую поговорку: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», – и вот наконец-то ощутил ее гнетущий смысл.

Я представил, что происходит сейчас в Баковке, на даче, где осталась моя супруга Эмма Евгеньевна. Она была «закована» в гипс и не могла передвигаться без посторонней помощи. «Там наверняка, – думал я, – собрались лучшие ищейки, идет грандиозный шмон». «Куй железо, пока горячо» – этим лозунгом руководствовалась рвущаяся к власти «волчья стая».

На снисхождение рассчитывать было легкомысленно. Поверженных политических противников принято добивать.

С 19 августа 1991 года эта «стая» фактически приступила к захвату всей полноты власти на общегосударственном уровне. Стороннику Ельцина Степанкову необходимы были улики, факты для обоснования ареста руководителей ведущей державы мира.

Наконец, колонна тронулась в путь. Вышли на кольцевую дорогу, повернули на север. Сначала я ехал без фуражки... в салоне было душно, но вскоре, когда «Волгу» разогнали, в машине стало прохладнее, пришлось ее надеть. Это заметил следовавший за нами «наблюдатель», он быстро догнал нашу машину и, поравнявшись с нами, обратил внимание охранников на мою фуражку. «Не попытается ли он сбежать? Не подает ли фуражкой сигнал к побегу?» – очевидно, подумал этот бдительный страж.

Фары высветили целующихся прямо на обочине парня и девушку, рядом стояли два их обнявшихся велосипеда. Один из охранников сострил что-то в адрес парочки, и опять наступила гнетущая тишина. Колонна повернула на Ленинградское шоссе...

Дорога была мне знакома. В 1942 году по этой дороге мы – курсанты Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР – переезжали из Лефортовских казарм в летние лагеря на берегу красивейшего озера Сенеж под Солнечногорском.

Мысли перенесли меня в военное лихолетье, поближе к юности. Вспомнились Сибирь, Язово – мое родное село, Новосибирск, где начиналась моя служба.

Удары судьбы... Мысли... В эту ночь, пока мы ехали неизвестно куда, вся моя жизнь прошла перед моим мысленным взором, щемя сердце.

Путь к фронту

Враг подходил к столице. Московское Краснознаменное пехотное училище по решению Ставки Верховного Главнокомандования направили на фронт в состав 16-й армии генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. Командовал училищем генерал-майор С. Младенцев, а воевать курсантам пришлось вместе с 316-й стрелковой дивизией генерал-майора И.В. Панфилова.

Заместителя начальника училища подполковника Жебова вместе с заместителями командиров батальонов эвакуировали в Новосибирск. Фактически в ноябре 1941 года в Сибири училище предстояло воссоздать.

8 ноября мне исполнилось семнадцать лет, и я в очередной раз обратился в военкомат с просьбой направить меня на фронт. Чтобы не отказали, пришлось пойти на маленькую хитрость – приписать себе год. В деревне тогда паспортов не было, проверять долго не стали, и меня направили в Новосибирск в распоряжение начальника МКПУ¹.

Стояли сибирские трескучие морозы. Занятия шли в основном в поле, одеты мы были более чем скромно: бушлаты, ботинки с обмотками, хлопчатобумажные гимнастерки и брюки – и тем не менее не мерзли: терпели. Командирами отделений были фронтовики, выписавшиеся из госпиталей. Нагрузка была такая, что пот прошибал в самые морозные дни. фронтовики были для нас олицетворением дисциплинированности и справедливости. От них мы многое узнали о настоящей войне, они-то и подготовили нас к принятию военной присяги. Недостаточно сказать: «Я клянусь быть честным», – надо было им быть.

Подъем в 6.00, зарядка на свежем воздухе. В декабре температура минус 40 градусов, чувствовали себя неуютно, но постепенно втянулись, и за полтора месяца мы, вчерашние школьники, превратились в молодых воинов.

Были среди нас и такие, кто, как и я, прибавили себе по году, а затем, расписавшись в своей беспомощности, ушли из училища. Мой же одноклассник Илья Юрченко, повстречавшись в Язово с моей сестрой Верой, поведал ей, как нам достается служба, так что через неделю она приехала «выручать» меня.

Встретились мы в выходной день, сестра передала мне гостинцы от домашних, поплакала, повздыхала, глядя на мою изрядно поношенную буденновку. Я как мог успокоил ее, сказав: из училища не уйду. Вера поведала мне, что Федора Никитича, нашего отчима, призвали в армию. Мать плачет – на ее руках осталось семеро несовершеннолетних детей, а Лизу, Лену и Веру мобилизуют для работы на военных заводах, которые вывозили из западных районов страны в Сибирь.

В декабре, когда враг под Москвой был разбит, прошел слух: скоро мы поедем в столицу. Естественно, мы радовались победе под Москвой и тому, что мы, необстрелянные курсанты-первогодки, направляемся в столицу.

И в самом деле, 14 января 1942 года нас погрузили в теплушки, и наш эшелон двинулся на запад. Ехали по бескрайним просторам Западной Сибири, по морозной Барабинской заснеженной степи, по обе стороны от состава полоскалась на ветру натянутая от земли до небес метельная простыня.

Сибирь начали заселять еще при Петре I, когда на Иртыше были заложены крепости Омская, Павлодарская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская. Омскую крепость заложил подполковник И. Д. Бухольц, но вскоре она была разрушена, а гарнизон уничтожен. Отряд под командованием полковника Пастушенко восстановил Омскую крепость и, продвигаясь на стругах вверх по Иртышу, поставил новые крепости.

---

¹ МКПУ – Первая московская пулеметная школа имени ВЦ И К, до 1936 г. размещалась в Кремле.

В Омскую слободу крестьяне переселялись из Тюмени, Тобольска, Тары. Одним из основателей деревни Куликовой был Петр Григорьевич Куликов со своими братьями и сыновьями. В числе первых жителей этой деревни были и крестьяне Кругловы, Измаилов, Язов. Язовы в Сибирь переселились из Великого Устюга Вологодской губернии, а затем из Тобольска пошли искать счастья и лучшей доли дальше, в Омский уезд. В ревизской ведомости 1811 года указывалось, что Язовы из Калачиков переехали на Лебяжье озеро «во вновь заводимое село Язово».

Озеро Лебяжье на редкость было богато рыбой. Ковыльное степное разнотравье, березовые колки, между которыми раскинулись черноземные гривы, – все это и привлекло моих предков основать в округе село. Пахотных земель, сенокосов, пастбищ для выгона скота и березового леса для строительства жилья было достаточно, а что еще надо трудовому человеку?

«В 1826 году крестьянин деревни Юрьевой Чердынцев выхлопотал право на переселение к Пресновскому озеру. К пяти семьям переселившихся старожилов казенная палата по указу от 21 июня 1828 года за номером 2155 направила к этому же озеру еще 16 семей переселенцев, прибывших из Рязанской губернии». Эти данные я почерпнул из книги профессора А.Д. Колесникова и привожу их потому, что мой дед по материнской линии, Федосей Андреевич Язов, женился на Алене Кирилловне Васильевой из деревни Пресновка, ее предки вели свой корень из Рязанской губернии.

По отцовской линии мой дед – Язов Яков Миронович – женился на Пелагее Степановне из Оконешниково. Это село было основано в 1816 году крестьянином Козяковым и изначально называлось Козяково.

Озеро Лебяжье имело да, к счастью, и сегодня имеет основания для столь поэтического названия: горделивые белоснежные птицы прилетают сюда на все лето, сначала выводят здесь птенцов, а потом учат их летать. Лебяжье – любимое место рыболовов и, к сожалению, браконьеров.

Кроме озера Лебяжье, вокруг села еще несколько мелких озер и болот: Мартышкино, Куликово, Кочковатое, – на их берегах гнездились утки, кулики, чибисы и другая болотная и озерная дичь. Охотников – метких стрелков в селе было предостаточно, как и в целом в Сибири, многие этим промыслом и кормились.

Русские о Сибири были наслышаны до прихода туда татаро-монгол. Владелец татарского юрта в Сибири Едигер еще в 1555 году прислал к Ивану IV послов поздравить царя с победой над Казанским и Астраханским царствами и просил взять под защиту разбросанные на громадных сибирских просторах малочисленные разноплеменные селения.

В 1556 году Иван Грозный отправил в Сибирь в качестве посла и сборщика дани Дмитрия Курова. Но к этому времени сильный хан Кучум пленил Едигера и убил первого русского посла. Кучум крайне враждебно относился к Московскому государству и даже направил царевича Маменткула с войском на реку Чусовую, чтобы воспрепятствовать расширению владений русских.

Но уже летом 1579 года Никита Строганов принял на службу казаков с Волги и Дона под началом Ермака Тимофеевича – с целью расширить свои владения и освоить земли за «каменем», то есть за Уральскими горами. Кучум же, прослышав о приближении русских, собрал войско и под командованием Маменткула дал жестокое сражение на реке Тобол, но Маменткул был разбит. Вскоре та же участь постигла самого Кучума, он откочевал на юг, в степи. Сказывают, победители голодали: бухарские купцы так и не смогли по рекам пройти через земли Кучума для торговли с русскими и коренными жителями Сибири.

И тогда сам Ермак с отрядом в 50 человек отправился на стругах вверх по Иртышу в надежде повстречать купцов. С 5 на 6 августа отряд расположился ночевать на берегу Иртыша. В это время на другом берегу стояло войско Кучума. Под шум ветра и дождя Кучум незаметно переправился через Иртыш и напал на спящий отряд. Ермак попытался добраться до струга, но не сумел – утонул в Иртыше...

Кучум кочевал в Барабинской степи до 1591 года, пока воевода князь Кольцов-Масальский не разбил его близ озера Чили-Кула. В это же время начали строиться в Сибири города Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым, Кетский Острог.

* * *

Теплушки в дороге были нашими классами, мы изучали пулемет «Максим», ручной пулемет Дегтярева (РПД), самозарядную винтовку Токарева (СВТ), 50-миллиметровый миномет, пистолеты, гранаты и даже трофейное оружие. Занятия проводили фронтовики: старший сержант Филиппцев, сержанты Зайкинский и Филатов. Они были ранены на фронте, и после лечения в госпитале их откомандировали в МКПУ

Вскоре наш эшелон миновал станцию Татарская, а это уже кулундинские степи. Вместе с покойным отцом Тимофеем Яковлевичем я мальчуганом уже побывал в этих краях. «Кулунда» в переводе с татарского означает «жеребенок в густой траве».

...Кормили нас в дороге горячей пищей только в крупных городах, таких, как Омск, Челябинск, Казань, Сызрань.

До Москвы мы ехали целый месяц. Бывало, по двое суток, так случилось в Казани, эшелон наш стоял, заниматься строевой подготовкой нам довелось прямо на привокзальной площади.

Прибыли мы на Курский вокзал столицы в середине февраля, откуда пешком прошли до лефортовских казарм. Здание училища – бывший кадетский корпус. Наша 9-я рота размещалась на втором этаже, окна выходили на Красноказарменную улицу с видом на Лефортовский дворец.

Тактикой мы обычно занимались в парке Московского военного округа. Вспоминаю, как в один из налетов фашистской авиации мы лишились превосходного тира длиной в триста шагов, поэтому для отработки одиночных упражнений пришлось выезжать из Москвы в Ногинск.

По выходным дням мы трудились в Москве, скалывали лед с мостов, убирали снег на Красной и Манежной площадях, готовились к празднику – Дню Красной Армии.

Накануне праздника в училище прибыл член военного совета Московского военного округа генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, он вручил награды офицерам. В последующие годы генерал-лейтенант Телегин был членом военного совета ряда фронтов, но так и не получил повышения в звании. Ходили слухи, мол, на него было заведено дело Главным управлением контрразведки РККА «СМЕРШ». По делу проходило 8 человек.

Чуть позже бывший глава «СМЕРШа» генерал-полковник В.С. Абакумов покажет на допросе: «Дело это было весьма важное... Оно связано с маршалом Жуковым, который является опасным человеком».

Нынешние демократы, так же, как и Абакумов, считают Жукова «опасным человеком». Здесь они смыкаются с мастеровыми палачевых дел всех времен. «Демократические журналисты, – пишет великий русский писатель Василий Белов, – не только развенчали подвиг легендарной Зои, они попытались представить бессмысленной и гибель моего отца в 1943 году. И если прежде русские люди всеми силами защищали Москву, нынче они обороняются от Москвы «демократической». Чудовищно, но факт: нам приходится обороняться от Москвы! Все чаще видишь лозунги на демонстрациях: «Дошли до Берлина, дойдем и до Москвы»².

Не случайно фальсификаторы всех мастей (Жуков их попросту называл «брехунами») изо всех сил стремятся оболгать Россию, ее полководцев. Проникновенно о Жукове скажет В. Песков: «Вы дороги людям тем, что пришли из гущи народа, в Вашем характере проявился

---

² Белов. В.И. Записки на ходу. М.: Палея, 1999.

талант русского народа защищать прежде всего свое Отечество. Сколько бы ни стояла Россия, имя Ваше будет святиться!»

А вот что пишет о своем отце Мария Жукова: «Папа! Да святится имя твое. Имя, ставшее символом офицерской чести и долга, доблести нашей армии, человеческого благородства, патриотизма и жертвенного служения своему народу, символом державного духа и защиты гордой страны от любого иноземного диктата! Имя, объединяющее тех, кто борется за могучую, как прежде, державу! Имя, подобное удару меча для всех наших врагов! Имя, освещающее путь офицерам, желающим освободить нас от нечисти!»³

Разве мы, молодые курсанты, могли себе представить, что пройдет чуть больше десяти лет, и полководца, который уберет Москву от врагов и обратит их в бегство, будут распекать на своей партийной планерке Хрущев на пару с Брежневым. И все потому, что, будучи со своей супругой в Большом театре, Георгий Константинович не поприветствовал Хрущева и его свиту. Все зрители встали, когда Хрущев появился в правительственной ложе, и только чета Жуковых никоим образом не отреагировала на появление Хрущева. И как же выговаривали величайшему полководцу всех времен Хрущев и подсуеившийся Брежнев, в чем они только не обвиняли Жукова, и прежде всего – в отрыве от народа.

В Кремле народность понимали прямолинейно: надлежало бурными овациями встретить появление в правительственной ложе партийного сюзерена. И если Жуков отказался принять от издателя из ФРГ в подарок «мерседес», то как же их кланчил в своих многочисленных поездках по зарубежным весьям все тот же Брежнев.

Георгию Константиновичу мстили даже тогда, когда он ушел из жизни. Вот как описывает сцену похорон полководца его дочь: «Позвонил маршал Москаленко, подчеркнуто пренебрежительным тоном сообщил: «Наверху решили похоронить Жукова на Новодевичьем кладбище».

Правда, чуть позже переиграли, вынесли решение захоронить в Кремлевской стене, с кремацией.

– Как же так? – возразили мы с бабушкой. – Папа мечтал быть похороненным в земле!

– А где бумага? Он оставил письменное завещание?

– Звони Гречко, – не сдавалась бабушка, – ты наследница, тебя послушают.

Набираю номер телефона. На мою просьбу Андрей Антонович что-то промямлил.

– Звони Брежневу! – стоит вся в слезах бабушка. – Отец защитил Москву, он достоин сам себе выбрать место!

На мою просьбу не сжигать отца, а захоронить в земле по русскому обычаю, Брежнев сухо ответил: «Я посоветуюсь с товарищами».

Эту фразу – «посоветуюсь с товарищами» – от Брежнева слышали часто. «Посоветовался» и сделал по-своему... И вот о чем я подумал: не просто два разных человека присутствовали на памятном спектакле в Большом театре. Если Георгий Константинович Жуков зажег лампаду в православной церкви Лейпцига в 1945 году, то Хрущев опустил до того, что разрушал святыни наших предков, их церкви и монастыри. Это надо же было выдумать врага в образе Сергия Радонежского, Святителя Николая!..

Остается только добавить, что генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, который приехал к нам в училище в грозную годину, умрет своей смертью в возрасте восьмидесяти восьми лет... Генерал-полковник В.С. Абакумов будет приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР 19 декабря 1954 года к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведут в исполнение в 12 часов 15 минут 19 декабря 1954 года.

Судьбы людские...

---

³ Жукова М. Маршал Жуков – мой отец. М.: Палей, 1993.

Бытует мнение, что мертвецы земному суду не подвластны. Но говорить об их нравственной ответственности необходимо. Мы не должны забывать о беззакониях – мол, каждому свое, – а должны искать истину.

Вот такие события вспомнил я, проезжая вновь по дороге моей курсантской юности в тревожную ночь после ареста...

«Санаторий» Сенеж. Первые допросы

...Подъехали. Я понял, что это «санаторий» на берегу озера Сенеж. Кроме «санаторных» корпусов, стояло несколько финских домиков, вот к ним-то и притулился наш кортеж. Вдоль дорожки, ведущей на задворки этих домиков, Баранников с помощью офицеров внутренних войск выстроил курсантов Рязанской школы милиции. Нас, троих арестованных – Крючкова, Тизякова и меня, выводили из машин по одному, чтобы даже и взглядом не обменялись. В одной из комнат, пропахшей сыростью, где небрежно была расставлена скрипучая мебель, меня обыскали.

В качестве понятых следователь Леканов с лоснящейся от жира физиономией пригласил все тех же курсантов – Сергея Чижикова и Дмитрия Егорова.

Я посмотрел на часы. Они показывали 5 часов 55 минут 22 августа. Курсанты стояли в растерянности: следователь пухлыми пальчиками выворачивал карманы маршала, ощупывал воротник кителя. Врач, выполняя формальность, поинтересовался: «Вы здоровы? Есть жалобы?»

К этому времени комната наполнилась следователями, привезли аппаратуру, шла какая-то мышиная возня перед допросом. С крайне озабоченной физиономией появился Степанков. Пытался завязать разговор о Хабаровске, передать от кого-то привет... Я прекрасно оценил эту наивную игру в «доброго прокурора» и попросил сообщить моей жене, что я арестован, и привезти мне необходимые вещи. Леканов спросил: «Что конкретно?»

– Бритву, спортивный костюм и прочее.

– А что прочее? Все, что нужно, изложите на бумаге.

Прищурясь, глядя прямо в глаза, Юрий Иванович начал задавать вопросы, которые были подготовлены заранее. Ельцинской обслуге предстояло мне, фронтовику, доказать мою вину перед моим Отечеством. Как мне потом довелось узнать, вопросы сформулировали загодя, утром 19 августа, в ельцинских хорамах на даче.

Изначально разговор шел без записи в протоколе, сыщики полностью доверились магнитофону.

– Судя по нашему разговору, – заметил Леканов, – вы не осознали всей тяжести совершенного преступления и даже не думаете о раскаянии.

Я ответил:

– Хуже преступления, чем развал Союза, придумать невозможно.

Следователь спросил:

– Вы отдаете себе отчет в том, что для вас, а не для кого-то другого, означает статья 64 УПК?

– Понятия не имею...

Тогда он весьма профессионально разъяснил: статья 64 – это измена Родине, деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание помощи в проведении враждебной деятельности против СССР...

Я заметил: Вы сами-то верите, что говорите? Да еще применительно ко мне?

Леканов еще больше сощурил глаза, на лице появилась ядовитая улыбка. Он продолжал: «А равно заговор с целью захвата власти наказывается... но это будет решать суд»...

Чувствовалось, что он гордился знанием УПК, но вскоре я понял: все его знания почерпнуты из газетных и журнальных штампов последних дней: «путч», «неконституционный», «союзный договор», «интернирование», «изоляция», «Белый дом», «штурм».

Леканов взял на себя функции «забойщика», конструктора вопросов и предполагаемых ответов. Допрашивал вежливо, но вопросы ставил так, что я вынужден был отвечать, исходя из его предположений.

Был конец августа. Подступала грибная пора. Плыли высокие облака с востока, как далекий привет с моей Родины. Там наверняка знают: министр обороны арестован. Матери не скажут, ей 88 лет, но она поймет своим материнским чутьем, сердцем и, уж конечно, что-то увидит во сне и свяжет материнский сон с моей судьбой...

В 8.20 установили «Панасоник» для съемки и записи допроса. Самый удобный случай выдвинуть требование: пригласить на допрос адвоката.

– Адвоката должны нанять ваши родственники, – отрезал следователь.

– В таком случае свяжите меня с адвокатской конторой.

– У нас связь с адвокатской конторой не предусмотрена.

– Президент назначил мне встречу в Кремле в 10 часов, сегодня... Она состоится?

– А вы обратитесь к Горбачеву с письмом. Мы отправим, если последует команда. А пока давайте побеседуем.

Все это были уловки. И прокурор и следователи знали, что допрос без адвоката – фикция. Для суда он не имеет юридической силы. Но следователи старались подать себя новым властям в выгодном свете, показать результативность своей работы.

Следователь старался говорить вкрадчиво. «Кирпичики» вопросов ложились ровно, чувствовалась «кремлевская кладка». Тогда я еще не знал, что кассеты с записью допроса продадут «Шпигелю» и что весь мир узнает, как я перед допросом вздохнул. Если бы я знал, что в прокуратуре все продается и все покупается, возможно, я бы германскому «Шпигелю» напомнил слова из песни: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой».

А пока... следователь чеканил каждое слово:

– Я должен заявить: вас допрашивают в связи с участием в преступлении. Мы квалифицируем его как измену Родине. Заговор с целью захвата власти, злоупотребление служебным положением. Я хочу услышать от вас, что вы скажете по поводу предъявленного вам обвинения?

– У меня иное понятие о том, что такое измена Родине. Измена президенту – пожалуй, да, имеет место. Но Родину свою я не предавал. Что в моих действиях было конституционно, что нет, – надо разобраться. Я считаю, что подписание новоогаревского договора явно неконституционно. Организатор этого акта – Горбачев. Более того, раньше, еще на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года, он вещал с трибуны о необходимости улучшить жизнь народа. Тогда никто и думать не смел о развале государства, о ликвидации политической системы.

Но вот наступил 1991 год. Партия не по дням, а по часам теряла свой авторитет. Открыто на Пленумах ЦК КПСС говорили о том, что Горбачев исчерпал себя в качестве активного государственного деятеля, его историческое время закончилось. Мало того, 17 марта 1991 года народ дружно проголосовал за сохранение Союза Советских Социалистических Республик, и вдруг президент предлагает проект договора, в котором речь идет уже о суверенных государствах. Убежден: это не просто ошибка. Идет целенаправленная работа по ликвидации Союза. Нам предлагают хиленькую конфедерацию республик с самостийными президентами. Тут следователь остановил меня:

– Вернемся снова к вашей проблеме. Вас назначили министром обороны не без поддержки Горбачева. Но вы внезапно приняли решение лишить его власти. Вы же давали присягу президенту, парламенту, народу. Почему вы пришли к убеждению, что президента надо лишить власти? Причем антиконституционным путем?

Я понял из вопроса: Леканов в армии не служил и понятия не имеет, кому я присягал в 1941 году.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь: быть...

...Я всегда готов по приказу Советского правительства...»

Где же здесь клятва верности президенту? Народу я давал клятву, а не хозяйчику Кремля. И за спиной Горбачева мы не шушукались. Мы всего-навсего выразили наше возмущение по поводу распада СССР, потребовали от президента ввести чрезвычайное положение. К этому времени суверенизация и сепаратизм, особенно на Украине и в России, достигли своего апогея. Стремясь освободиться от сверхцентрализма, «демократы» запросили самую высокую цену: ликвидацию Союза.

Мы решили, что 18 августа к президенту в Форос вылетят Шенин, Бакланов, Варенников, Болдин и Плеханов вразумить президента – отменить подписание договора, дабы выполнить волю народа о сохранении единого Советского Союза.

Что бы я ни говорил, по виду следователя чувствовалось, что он ждет от меня другого: признания в заговоре, рассказа, кто был зачинщиком. Поэтому он резко перебил меня:

– Звучит весьма наивно для такого государственного деятеля, как министр обороны.

* * *

Мне захотелось рассказать следователю о разгоне ЦК, избранного съездом партии, о неравноправном договоре с США по сокращению стратегических и обычных видов вооружений. О выводе войск из Венгрии и Чехословакии, о поспешном бегстве из Германии через Польшу, с которой ни о чем даже не договорились толком. О том, что президент продолжал разглагольствовать о строительстве «европейского дома», не замечая, как свой разваливается. Он не устал талдычить об «общечеловеческих ценностях», зато своих соотечественников унизил, доведя их до нищеты. Практически ни одна программа за последние 5–6 лет выполнена не была. Когда Горбачеву на сессиях Верховного Совета СССР депутаты говорили о необходимости конкретной программы, он невозмутимо отвечал: «Я указал ориентиры».

Что же понимал генсек под новыми ориентирами? Оказывается, надо было лебезить перед Западом, свои традиции обменять на чужеземные.

Когда Горбачева избрали Генеральным секретарем, на первом же Пленуме ЦК он говорил, что прирост ВВП составил 4 процента и, мол, мы вползли в застой. Но именно в застойные времена построили ВАЗ, БАМ, КАМАЗ, перевооружали армию, а начиная с 1985 года, мы уже ничего не возводили, только разоружались.

На Президентском Совете, на заседаниях Совета безопасности, в присутствии Горбачева анализируя обстановку, говорили о тяжелом положении в стране, о развале партии, экономики, о растущих долгах государства. Уже все понимали в Кремле, что корни многих бед исходят от президента. Но следователя Леканова, похоже, не интересовала моя боль, он требовал: «Пожалуйста, фамилии тех, кто это говорил?»

Я объяснял Леканову, что это были дискуссии среди руководителей, озабоченных судьбой страны. Сам Ельцин признавал это. Горбачев в последнее время разъезжал по всему, но мы, члены правительства, даже не знали, о чем он говорил с глазу на глаз с лидерами иностранных государств. Раньше было принято все вопросы предварительно обсуждать на Политбюро, на Президентском Совете или Совете безопасности, а теперь все отдано на откуп Горбачеву.

Затем я рассказал Леканову, как президент Южной Кореи передал Горбачеву 100 тысяч долларов из кармана в карман. Да, за подобные «сувениры» принято расплачиваться.

Но следователь меня как будто не слышал. Он ждал признаний в заговоре. Ну что же, слушайте. Мне скрывать нечего.

Когда мы собрались в субботу 17 августа на объекте КГБ в конце Ленинского проспекта, то пришли к выводу: необходимо лететь к Горбачеву в Форос, убедить его в том, что с подписа-

нием союзного договора Советский Союз прекратит свое существование. Горбачев прекрасно знал: Украина подписывать договор отказывается, впрочем, как и прибалтийские республики. Давили на Ельцина и демократы в лице суетливого царедворца Юрия Афанасьева.

Премьер-министр В.Павлов охарактеризовал экономическую ситуацию в стране как тревожную. Он сказал, что перед отъездом на «отдых» Горбачев принял участие в заседании кабинета министров, потребовал в случае необходимости ввести чрезвычайное положение. Потому-то и полетели в Форос для откровенного разговора. До подписания договора оставалось двое суток. Самолет выделило Министерство обороны. Вылет назначили на 13 часов в воскресенье.

Возвратились товарищи из Фороса поздно вечером, около 22 часов. Мы ждали их в Кремле в кабинете Павлова. Кроме меня и Павлова, присутствовали Крючков, Пуго, Ачалов. Янаев подъехал около 20 часов, вслед за ним – Лукьянов.

Прибывшие из Фороса товарищи рассказали: Бакланов обрисовал Горбачеву ситуацию – страна катится к катастрофе, необходимо вводить чрезвычайное положение, другие меры уже не спасут, оставим иллюзии⁴.

Поделился своими впечатлениями о встрече с Горбачевым и Шенин. Вдруг оказалось, что у Горбачева разыгрался радикулит. Олег Семенович резюмировал: «Скорее всего, Горбачев, хотел избежать встречи с товарищами. Но когда понял, что без разговора товарищи не уедут, через час объявился».

Затем Болдин высказал свое мнение о необходимости принятия срочных мер по стабилизации обстановки, отказа от подписания договора. Затем Варенников доложил о положении в армии. Валентин Иванович не любит мямлить, говорит всегда четко и ясно. Это и дало повод президентской чете сделать вывод, что генерал армии Варенников из всех приехавших был самым настойчивым и грубым. Валентин Иванович понимал, что мы теряем.

Он прошел с боями от Сталинграда до Берлина, видел, что творили немцы на советской земле. Докладывая президенту о положении в армии, о том, как восприняли офицеры и весь личный состав вывод войск из Германии, он искренне волновался. Варенников напомнил президенту слова, сказанные в его адрес на офицерском собрании капитаном К.Ахаладзе:

«Михаил Сергеевич! Я один из многих, кто беспредельно любил вас. Вы были моим идеалом. Везде и всюду я готов был за вас драть глотку. Но с 1988 года я постепенно ухожу, удаляюсь от вас. И таких становится все больше. У людей, восхищавшихся перестройкой, появилась аллергия на нее».

На этой встрече мы поняли: болезнь Горбачева притворная. Он желает поставить Правительство Союза и народ перед свершившимся фактом – подписанием договора, развалом государства.

Проработка варианта ввода чрезвычайного положения в стране велась Комитетом государственной безопасности с 7 августа. От Министерства обороны принимал участие командующий Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Грачев... С 15 или 16 августа к этой работе подключились Грушко – первый заместитель председателя КГБ и заместитель министра обороны генерал-полковник Ачалов. О создании Комитета по чрезвычайному положению тогда и речи не было. Об этом разговор зашел только вечером 18 августа в кабинете Павлова после возвращения наших товарищей из Фороса. Тогда же я впервые увидел список Комитета в составе 10 человек.

Этот список показали Анатолию Ивановичу Лукьянову. Он твердо заявил, что участвовать в деятельности Комитета не намерен и не будет, так как представляет законодательную власть. «Единственное, что я могу сделать, – сказал Анатолий Иванович, – это опубликовать

---

⁴ Эту мою фразу из записи допроса журнал «Шпигель» убрал, оберегая авторитет лучшего немца».

заявление о нарушении действующей Конституции в связи с подписанием ново-огаревского союзного договора».

Вспоминаю и реакцию министра иностранных дел Александра Александровича Бесмертных, он прибыл в кабинет Павлова около 23 часов. Александр Александрович заметил: «Если вы меня включите в список членов Комитета, то для меня будут закрыты все столицы мира – и Вашингтон, и Париж, и Рим, и Лондон...»

Александр Александрович знал о недовольстве общественности поведением Горбачева, как и то, что через 20 минут после выступления на закрытой сессии Верховного Совета СССР наше общее мнение о необходимости навести в стране порядок стало известно и в американском посольстве. В роли информатора от московских «демократов»-стукачей выступил Гавриил Попов, хотя он прекрасно понимал, что и у государства могут быть секреты. Но демократ не убоился, побежал в американское посольство и сообщил послу США Мэтлоку, что назревает заговор, назвал и зачинщиков: Павлов, Крючков и Язов, – попросил передать этот доклад и Ельцину, который в это время находился в США. Мэтлок сообщил о том, что говорилось на сессии Верховного Совета СССР, президенту США Бушу. А тот, в свою очередь, сразу же связался с Горбачевым, как будто последний не знал о наших выступлениях.

Как нетрудно понять, видимость заговора создавали «демократы». И разве не Гавриил Харитонович⁵ является главной персоной, которой так интересуется Фемида? Ведь налицо предательство национальных интересов России...

Как может судить мой читатель, дело ГКЧП – пример виртуозного превращения изменника Попова в «защитника» земли русской. А тех, кто на самом деле пытался отстоять интересы страны, ошельмовали, назвали преступниками. И потому Леканов искал любые зацепки, чтобы доказать, что я изменил Родине.

Пришлось восстанавливать события по часам и по минутам; из Кремля я уехал в первом часу ночи 19 августа 1991 года. Документы, рассматриваемые в кабинете Павлова, должны были зачитать по радио и по телевидению в 6 часов. Для охраны телецентра мы к 6.00 направили подразделение ВДВ из «Медвежьих озер».

Леканов, будучи уверенным в справедливости обвинения, не терял нити допроса. Стремясь услышать подтверждение моей вины, повторял одни и те же вопросы, правда, в другом контексте.

– А не хотели ли вы выяснить реакцию населения? Не испугалось ли оно?

Прокуратура, конечно, знала о крайней политизации населения к тому времени. Суверенизация, самостийность, децентрализация, антикоммунизм расцвели махровым цветом. Одушевленные от жажды власти «демократы» боролись и с центром и с Горбачевым. С волей народа, проявленной в ходе референдума 17 марта, не посчитались бы ни Ельцин, ни Кравчук, ни другие.

Кстати, два года спустя «всенародно избранный» по-другому заговорит о референдуме. В своем указе № 1400 от 21 сентября 1993 года он заявит: «Большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной 25 апреля 1993 года». Значит, по Ельцину, волю российского народа попирает нельзя, а волю советского всего народа растоптать надлежало без зазрения совести.

Признаюсь, сложные чувства овладевают мной даже сегодня, когда я перечитываю стенограмму допросов. Я ненавижу себя за скованность, презираю наведенную на меня кинокамеру, все эти кадры политической киношки. Одно могу сказать: режиссер был талантливым, он бы украсил фестиваль и в Каннах.

---

⁵ Гавриил Попов сегодня известен в столичных кругах как демократический наследник дачных владений бывшего генсека ЛИ. Брежнева.

Еще во время «съемки» я подумал: через часок-другой «кино» повезут на просмотр самодовольному Горби и его домашнему философу. Но, по-моему, ошибся: по дороге в Кремль пленку умыкнули, продали на Запад.

* * *

...В окно заглянуло солнце, его лучи упали на противоположную от окна стену, на которой красовался пейзаж: северные олени переплывают озеро. Хотелось бы, чтобы и это озеро, и этих оленей освещало не заходящее солнце.

Следователь попросил выключить камеру, подошел к окну и задернул шторы. Как бы выражая заботу обо мне, произнес: «Береженого Бог бережет». Но я понимал: он старается, чтобы никто не узнал, куда увезли арестованных. Ему важно было подтвердить правоту слов из указа Ельцина: «Считать ГКЧП антиконституционным и квалифицировать его действия как государственный переворот, являющийся не чем иным как государственным преступлением». Впоследствии стало известно, что эти строки написал Р.Хасбулатов, который нашел в себе мужество сбежать из стаи самозванных кремлевцев.

И снова следователь старается вытянуть у меня признание, что мы действовали вопреки Конституции: «Вы наверняка рассчитывали на то, что народ все проглотит, что вас поддержат, не спрашивая, а конституционно ли это?»

Да, мы надеялись на народ. Мы считали: народ прекрасно понимает, что начатая по инициативе Горбачева перестройка – политика реформ – в силу разных причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Но, увы, понимание всего этого сложилось у населения позднее...

– Когда вы увидели, что завязли в афере, из которой нужно выбираться? – гнул свою линию следователь.

– А нам и не надо было выбираться. Мы были вместе с народом. И это лишний раз подтверждает, что заговора не было. Иначе бы «заговорщики» подготовились. Напротив, инициатива была в руках поповых, афанасьевых и других ярых ельцинистов.

Почему-то на допросе я вспомнил, как Г.Попов отдал чудовищный приказ столичным торговцам больше не отпускать продукты жителям других областей. И стоял казах-панфиловец в Елисеевском гастрономе проездом из Талды-Кургана в Калининград, защитивший Москву от фашистов, выпрашивая двести граммов «Любительской» колбаски на дорожку. Но никто из продавцов не осмелился нарушить указа мэра. Какой позор! Уже тогда россияне разглядели хамовитое лицо московской демократии...

– Если вы уже после пресс-конференции увидели, что зашли чересчур далеко и совершили преступление, почему вы продолжали вводить танки в ночь с 20 на 21 августа, ввели комендантский час, назначили коменданта города?

– Чрезвычайное положение введено согласно Заявлению Советского правительства, а затем подтверждено указом и.о. президента Г.И. Янаева, где говорилось:

«В связи с обострением обстановки в г. Москве – столице СССР, вызванной невыполнением постановления ГКЧП № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 части 3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в городе Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками МВО генерал-полковника Н.В. Калинина, который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения».

Кроме того, в заявлении ГКЧП говорилось о необходимости с 4.00 часов взять под охрану важнейшие государственные учреждения и объекты. Что же касается комендантского часа, то он был объявлен, но не введен.

– Кто мог рекомендовать Янаеву ввести комендантский час? Янаев же не военный. Прошу честно ответить.

Я говорю честно:

– Закон о чрезвычайном положении принимал Верховный Совет. Там разве одни военные заседали? Янаев ввел чрезвычайное положение, а Калинин, исходя из обстановки, как комендант города объявил комендантский час. Сил и средств, несмотря на то, что были вызваны и прилетели в Москву еще два парашютно-десантных полка, все же было недостаточно для обеспечения ввода ЧП. Потом мы с Калининым обговорили все вопросы по выводу тяжелой техники из Москвы.

– Что можете сказать о вашей рекомендации разогнать силы, защищавшие Белый дом? Ведь формальный повод был – в 23.00 все должны были разойтись по домам.

– Объясняю следствию: у здания Верховного Совета РСФСР собралось около 70 тысяч человек, поэтому вопрос о разгоне толпы даже не обсуждался на совещании ГКЧП. По городу было организовано патрулирование на боевых машинах пехоты и бронетранспортерах. Применять оружие было строго запрещено. Это было похоже на ситуацию, когда пытаются зажечь спичку перед пороховой бочкой.

Кто мог предположить, что Попов и Лужков организуют возведение баррикад? К тому же при проходе техники под мостом в районе проспекта Калинина и были задержаны БМП. Их забросали бутылками с зажигательной смесью.

– Заменялись ли войска, которые стояли перед Белым домом, по той причине, что военнослужащие были уже политически неблагонадежными?

В связи с этим вопросом я заметил:

– В мире много домов белого цвета, но официально называют Белым Домом резиденцию президента США в Вашингтоне. Называть здание, где размещался Верховный Совет и Правительство России, «Белым» – это значит притязать на чужое наследство. Тем более что на месте, где американцы возвели свой Белый Дом, когда-то стоял бордель. И кроме того, вам неизвестно: заменяли войска или нет, почему же вы сделали вывод, что после общения с народом войска политизировались? Это байки радио «Эхо Москвы».

Батальон ВДВ для охраны здания Верховного Совета РСФСР был направлен по просьбе Ельцина генерал-лейтенантом Грачевым, который доложил мне об этой просьбе. Я дал согласие, и он по радио, когда дивизия была еще на марше, передал приказ генерал-майору А.И. Лебедю. Охрана возле здания была постоянной, танковые подразделения находились там до 22 августа.

Леканов вновь спросил:

– Когда вы осознали, что это государственный путч и переворот?

– Как можно называть это государственным переворотом? На законодательную власть Союза и республик никто не покушался. Не было ни военного, ни гражданского переворота. Президент сам говорил по телефону, что ему звонил Ельцин высказывал мысль, что Россия тоже хотела бы воздержаться от подписания договора. Потому и выехала к нему группа товарищей, чтобы предостеречь от ошибки. Но Горбачеву во что бы то ни стало хотелось подписать антинародный документ о развале Союза.

– И тогда вы решили отвести войска? С 21 августа вы практически встали на путь покаяния?

Решение о выводе войск было принято вечером 20 августа. Если объективно проанализировать события этих трех дней, то напрашивается вывод: армия не участвовала в каком-то подавлении демократии. Широко разрекламированные «баррикады» не смогли бы остановить

танки и БМП. Позже А.Н.Яковлев признается: «У меня было такое ощущение, что мы вышли в поле, а противник так и не явился».

Затем Леканов предложил прерваться, якобы на обед. Но мне разрешили выйти из комнаты, лишь когда он закончил прослушивать кассеты. Столичная «демократия» продолжала возводить надолбы лжи, и вскоре появились телевизионные репортеры. Они начали меня уговаривать обратиться с покаянной речью к Горбачеву, дескать, для защиты от статьи, которую вам «шьют». Мол, все средства хороши, Дмитрий Тимофеевич, особенно выбирать-то вам и не приходится.

И под влиянием усталости я поддался на их уговоры, «Покаянное кино» подали как часть допроса. И «Шпигель» и прокурор посчитали их доказательством «совершенного преступления» по расстрельной статье – измена Родине...

И вот я снова в комнате-«камере» вспоминаю картинки горбачевской эпохи. Какие обжорные презентации и юбилеи устраивали «новые русские». Вот уже появились новые веяния в оформлении банкетов. По черной икре обязательно красной икрой лозунги: «Российской демократии – слава!», «Слава Горбачеву!». Были и другие варианты, но все равно красной икрой по черной: «Михаил Сергеевич, до встречи в Тель-Авиве!»

...В первом часу ночи 23 августа майор из охраны полусшепотом приказал:

– Поднимайтесь, мы уезжаем.

Я задал естественный вопрос:

– Куда?

– Этого я не знаю, прошу не мешкать. – И положил на тумбочку яблоко. – Возьмите, возможно, ехать придется долго.

И снова машина с ревом разрывала тишину в округе. За ней следовал автобус с вооруженной командой, три «Волги», замыкали колонну еще один автобус с вооруженными курсантами, машина с врачами и несколько автомобилей различного назначения.

Ехали в сторону Твери. Несмотря на то, что я уже трое суток не спал, в сон не клонило. Справа и слева от меня на заднем сиденье размещались вооруженные офицеры, сидящий рядом с водителем офицер держал между ног автомат.

Проехали Клин. Может, мы едем в Ленинград, в знаменитые «Кресты»? Перед глазами маячила разделительная полоса на дороге. Я еще подумал, что эта полоса разделяет мое прошлое от совсем не ясного будущего. Снова я предался воспоминаниям, чтобы согреть свою душу среди этой бесовщины, дурмана лжи.

* * *

...Июль 1942 года. Нам, курсантам, присвоили офицерские звания. Я стал лейтенантом.

В ночь с 17 на 18 июля нас погрузили в вагоны на станции Солнечная, и мы поехали на Запад. На фронт. Вскоре мы прослышали, что едем на Волховское направление.

Что мы знали тогда о героической обороне Ленинграда? Естественно, наши знания складывались из сообщений Совинформбюро и политзанятий, которые проводились с учетом событий на фронте. Эти занятия проводила с нами комиссар батальона курсантов старший политрук Блинова.

Мы знали, что Волховский фронт был образован после разгрома немецко-фашистских захватчиков под Тихвином 4-й отдельной армией генерала К.Мерецкова. 8 ноября 1941 года фашисты захватили было Тихвин, отрезав последнюю железнодорожную магистраль, по которой шли грузы к Ладожскому у; озеру для Ленинграда. Наступление врага было остановлено 4-й и 54-й армиями во второй половине ноября. Попытки гитлеровцев прорваться через Тихвин к реке Свирь, а также через Волхов – к Ладожскому озеру провалились. Замысел соединиться с финнами и полностью блокировать Ленинград остался на бумаге.

Действия советских войск под Ленинградом и в районе Демьянска весной 1942 года не дали возможности фашистскому командованию перебросить часть сил группы армий «Север» на южное направление. Руководство вермахта планировало возобновить штурм Ленинграда. План этой операции обсуждался гитлеровской ставкой. Было принято решение для усиления 18-й армии перебросить соединения 11-й немецкой армии из Крыма и несколько дивизий из Западной Европы.

Естественно, мы, выпускники, тогда не знали, что 19 июля генеральный штаб сухопутных войск Германии информировал командование группы армий «Север» о соображениях начать наступление на Ленинград, установив связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым изолировать Балтийский флот, лишив его всех баз. В течение месяца группа армий «Север» тщательно готовилась к проведению операции, получившей новое название – «Нордлихт».

Из политинформации, которую мы регулярно получали по пути следования на фронт, мы также знали о событиях на всех фронтах Великой Отечественной войны. До сих пор помню, как 4 июля 1942 года «Правда» опубликовала сообщение Совинформбюро «250 дней героической обороны Севастополя». В нем говорилось: «Последние 25 дней противник ожесточенно и непрерывно штурмовал Севастополь с суши и с воздуха. Отрезанные от сухопутных связей с тылом, испытывая трудности с подвозом боеприпасов и продовольствия, не имея в своем распоряжении аэродромов, а стало быть, и достаточного прикрытия с воздуха, советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершили чудеса военной доблести и героизма в деле обороны Севастополя...»

Чуть позже от родственников я узнаю, что мой двоюродный брат Илья Михайлович Язов, закончивший ускоренный курс Томского артиллерийского училища, пал смертью храбрых при обороне Севастополя. В семье Ильи я жил, когда учился в Лагушино в пятом классе. Замечательная была семья. Дядя Михаил Александрович служил на флоте, был высокообразованным для своего времени человеком, гордился своими сыновьями. И вот уже в 1942 году погибли Семен, Петр и Илья, а Михаил вернулся с фронта с простреленным легким. Вскоре он умер...

Удивительно, как будто бы рок висел над родом Язовых. Мужья всех сестер погибли на фронте. Федор, Григорий, Сергей, Петр...

Наш воинский эшелон прибыл в Малую Вишеру. По лесным тропам добрались мы до полевого управления кадров Волховского фронта. Утром нас, человек 130 из 600 вчерашних курсантов, поездом отправили до станции Глажево, откуда мы пешком добрались до деревни Оломна, где располагался отдел кадров 54-й армии. И здесь нас долго не задержали. Офицер-кадровик назвал фамилии 35 офицеров, направленных для прохождения службы в 177-ю стрелковую дивизию. Мы получили приказ добраться до станции Погостье, где оборонялась дивизия. Нам предстояло по бревенчатой гати пройти 50 верст. Здоровые, уверенные в себе и победе, мы это расстояние преодолели менее чем за сутки. Последние километры мы прошли без привала, в сопровождении офицера дивизии. На небольшой полянке он разрешил нам перекурить, а сам спустился в землянку. Минут через десять из землянки вышел полковник Андреев, начштаба дивизии. Он на ходу бросил сопровождающему офицеру: «На поляну молодняк, в лес!» Под ногами хлюпала коричневая болотная жижа, над заболоченной поляной стоял редкий туман, и чахлые сосенки вздрагивали от отдаленных разрывов снарядов.

Вскоре на поляне в сопровождении прокурора дивизии появился командир дивизии полковник А.Г. Козиев, начштаба подал команду: «Смирно!» Через минуту перед строем вывели младшего лейтенанта, председатель военного трибунала зачитал приговор. Из него мы поняли, что младший лейтенант Степанов смалодушничал, во время атаки немцев в районе Винягловского шоссе бросил взвод. Правда, взвод и без командира отразил атаку, удержав позиции. И вот сейчас Степанову огласили приговор: «Расстрелять!»

Особист подвел приговоренного к вырытой в болоте яме и хладнокровно привел приговор в исполнение. Как подкошенный упал младший лейтенант в яму, окропив брызгами крови офицера.

Перед тем как распределить нас по полкам, комиссар дивизии полковой комиссар Е. Дурнов рассказал нам о боевом пути дивизии. Мы узнали, что 177-я дивизия, в которую мы прибыли, была сформирована в марте – апреле 1941 года на базе двух запасных полков Ленинградского военного округа в городе Боровичи.

Формирование дивизии было возложено на Героя Советского Союза полковника Н.С. Угрюмова. Штаб дивизии возглавил подполковник В. Павлов. Работа штаба по формированию дивизии шла круглосуточно – дивизия укомплектовывалась резервистами из городов и сел Ленинградской области и 1 мая 1941 года в полном составе вышла на парад.

16 мая 1941 года дивизию принял новый командир – полковник А. Машошин. Он был участником еще Первой мировой войны, награжден четырьмя Георгиевскими крестами, а в советское время – орденом Красного Знамени.

К началу Великой Отечественной войны в дивизии были сформированы 483-й, 486-й, 502-й стрелковые полки, 710-й гаубичный артиллерийский полк, 706-й легкий артиллерийский полк. Также в дивизию входили отдельный истребительный противотанковый дивизион, 254-й отдельный разведывательный батальон, 33-й отдельный саперный батальон, 227-й отдельный батальон связи, 20-й отдельный медико-санитарный батальон и отдельная рота химической защиты.

Вскоре 177-я стрелковая дивизия получила приказ передислоцироваться в район Луги и встретить врага на рубеже Псков – Луга. Полоса обороны составляла до 20 километров по фронту.

Заняв полосу обороны, дивизия вместе с саперными подразделениями фронта и гражданским населением Ленинграда приступила к строительству оборонительной полосы. В исключительно короткие сроки была создана глубоко эшелонированная оборона с траншеями полного профиля, с разветвленными ходами сообщения, противотанковыми рвами, проволочными противопехотными и противотанковыми заграждениями с хорошо организованной системой огня.

Превосходство в силах и средствах в те горячие дни было на стороне фашистов. На главном направлении, куда немцы наносили удар и где стояла дивизия, соотношение было в 3–4 раза в пользу врага. Гитлеровцы надеялись с ходу захватить Ленинград. Положение было угрожающим.

Полковой комиссар Дурнов свернул самокрутку, но закуривать не спешил.

– Вам огоньку? – Кто-то щелкнул зажигалкой.

– Отставить! Уцелеете – расскажете, как под Лугой не только немцев остановили, но и нанесли им ощутимые потери.

Хвастливое заявление Гитлера, что «через три недели после начала войны он будет в Петербурге», мы похоронили.

Даже незначительные успехи доставались тяжело. Это объяснялось «танкобоязнью», слабым знанием противника и большими потерями от налетов авиации. К 21 августа 1941 года войска Лужского участка обороны были отрезаны от Ленинграда. А 24 августа по приказу командующего Ленинградским фронтом пришлось оставить Лугу, а затем с боями выходить из окружения. По лесам и болотам личный состав дивизии, питаясь подножным кормом – грибами и ягодами, вышел из окружения, сохранив оружие и боевые знамена, обгаренные кровью воинов, покрывших себя неувядаемой славой.

Дальнейший боевой путь дивизии был также неразрывно связан с героической обороной Ленинграда. 22 октября 1941 года дивизию подчинили Невской оперативной группе, определив задачу форсировать Неву в районе 8-й ГЭС и овладеть плацдармом.

После нескольких неудачных попыток форсировать Неву в самом начале ноября дивизия вступила в Невскую Дубровку. В этих боях на «Невском пяточке» 177-й дивизией командовал полковник Г.И. Вехин. Так бои на клочке земли на левом берегу Невы стали экзаменом на зрелость.

В декабре 1941 года дивизия вышла на станцию Понтонная на доукомплектование, затем ее подчинили 54-й армии под командованием легендарного героя боев на реке Халхин-Гол генерал-майора И.И. Федюнинского.

К 9 января 1942 года дивизия уже вышла с боями на рубеж железной дороги Мга – Кириши. Части дивизии встретили упорное сопротивление на станции Погостье, но, овладев станцией, расширили фронт прорыва до ручья Дубок, надежно прикрыв стык с 8-й армией фронта.

...Полковой комиссар щелкнул зажигалкой, задымил самокруткой, и мы с Костей Соловьевым поняли: дальше историю дивизии нам писать всем вместе.

В штабе дивизии нас назначили командирами взводов в 483-й стрелковый полк. В него мы прибыли во второй половине дня. Принял нас командир полка подполковник А. А. Золотарев. Первое, о чем он нас спросил: «Бывали ли мы в боях раньше»? Затем обвел взглядом нас, безусых мальчишек – лейтенантов, улыбнулся и сказал: «Не беда, освоитесь, привыкнете».

Начальник штаба полка капитан Л. Колчин повесил на стену в штабной землянке карту и разъяснил нам, как построена оборона в лесисто-болотистом уголке, зажатом между болотами Ковригина Гладь и Малуксинский Мох. Основные усилия полка сосредоточивались на удержании станции Погостье, где оборонялись 2-й и 3-й батальоны. Разъясняя задачу, начштаба определил, кого из прибывших выпускников училища в какой батальон назначить. Я был определен командиром взвода в 9-ю роту 3-го стрелкового батальона. Командир полка согласился с предложением начштаба и повел разговор о трудностях, с которыми мы можем встретиться.

Дело в том, что в ходе Любанской операции войска 2-й ударной армии, вклинившись глубоко в расположение войск противника, не имея достаточных сил для развития наступления как бы сами оказались заложниками: ударом по флангам противник перерезал все наши коммуникации и замкнул кольцо окружения. Оборонявшиеся части 59-й и 52-й армий, подавленные авиацией и минометным огнем, не смогли помочь. Ежедневно немцы в полосе обороны сбрасывали десятки тысяч листовок, в которых говорилось о пленении генерала Власова, командующего 2-й ударной армией.

«Эти листовки, – разъяснял нам командир полка, – не советую коллекционировать. Сжигайте! Немцы на два слова правды наворотят тысячу слов лжи. Возможно, Власова пленили 11 июля, но ведь из листовок следует, что добровольно в плен сдалась вся армия. Более того, красноармейцы счастливы, что оказались в плену. Но разве группы солдат и офицеров не выходили к нам по болотам и в июле? И в августе 1942 года? Тому, что пишут немцы в листовках, верить нельзя. Вам следует усилить разъяснительную работу среди личного состава. Не падайте духом! Не поддавайтесь на провокации».

Больше всего мы страдали от растянутости линии переднего края обороны. Постоянно ощущали неукомплектованность личного состава. Нас во взводе было не более 20 человек, а ширина линии обороны растянулась аж на километр. Солдаты в основном солидного возраста, семейные. Для них я был сыном, и за словом они в карман не лезли. Ох и донимали они меня. Дескать, сынок, а ежели немчура пальнет, ответишь? Пришлось отразить нападки на взводного. Взял карабин и на макушке ели одним выстрелом сбил шишку. Больше подтрунивать надо мной не стали, зауважали. А вечером следующего дня к нам зашел начальник разведки полка старший лейтенант С.Т. Суворов познакомить с передним краем немецкой обороны. Приняв наркомовские 100 граммов, он свернул самокрутку и закурил. Тут же на наших глазах он получил пулю в лоб от фашистского снайпера. Так мы получили еще один урок, который для нас не прошел даром.

Словом, на войне как на войне...

28 июля 1942 года, когда вызрела первая ягода в лесу, нарком обороны подписал приказ № 227. В приказе излагалась суровая правда о создавшемся положении на советско-германском фронте. Резко осуждались пораженческие настроения: дескать, земли у нас много, можно и отступать. И. Сталин потребовал любой ценой остановить продвижение фашистских орд. Предусматривались самые строгие меры к военным: генералам, офицерам, рядовым – ко всем, кто проявит в бою трусость и малодушие. В приказе намечались и практические меры по укреплению боевого духа и дисциплины воинов.

Дня через два в батальоне состоялось партийное собрание, на которое пригласили нас – офицеров-комсомольцев. С докладом выступил комиссар батальона политрук Гусев. Он зачитал приказ наркома обороны применительно к действиям нашего батальона:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Северный Кавказ с его нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год. Отступать дальше – значит погубить и вместе с тем загубить нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет усиливать врага и ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, хлеба всегда будет в избытке. Подобные разговоры ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог..

...Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают с высокой производительностью, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов и стрелкового оружия.

Чего же нам не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток.

Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования».

Приказ наркома обороны больше известен в народе как приказ «Ни шагу назад». Сегодня вокруг этого приказа достаточно спекуляций, Сталина обвиняют в излишней жестокости. Но разве можно представить себе жизнь, особенно когда решается судьба страны, без требования быть сильным, требования, которые ты должен предъявлять прежде всего сам к себе? Генерал де Голль писал в своей знаменитой книге «На острие шпаги»: «Сила – средство мысли, инструмент действия условие движения; эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса. Сила – это щит мудрецов, оплот тронов. Сила – могильщик пришедшего в упадок, она дает законы народам и определяет их судьбу. Сильные личности не всегда

воплощают простое превосходство, ту поверхностную привлекательность, принятую в повседневной жизни».

Интересно сравнить настроения обитателей Кремля летом 1942 года, когда И. Сталин подписал исторический приказ, с атмосферой в ставке Гитлера в конце 1945 года, когда кто-то из немецких генералов уже подумывал, как достойно расстаться с жизнью. Если в Кремле пораженческие настроения на корню пресекались и не было намека на какие-либо дворцовые интриги, то в Германии в высших сферах царил раздраз. Генералы, пленившие гордые европейские столицы, писали друг на друга доносы Гитлеру.

Особенно отличился идеолог рейха Йозеф Геббельс. Уже в самом начале 1945 года он выдал весьма нелестные характеристики многим полководцам фюрера: «У Гудериана нет твердости в характере. Он слишком нервный. Эти свои недостатки он обнаружил, командуя войсками и на западе и на востоке. У Гимmlера нет никаких оперативных способностей. Уж, конечно, он никакой не полководец». Не повезло и Герингу: «Во всяком случае, колебания в отношении Геринга привели нацию к тяжелейшим бедам. Я намерен послать фюреру одну главу из Карлейля, как поступил Фридрих Великий с принцем прусским Августом-Вильгельмом, когда тот совершенно испортил ему циттауское дело. Фридрих устроил над своим родным братом и наследником трона расправу, которую я считаю образцовой».

Понятно, Геббельс не жалел черных красок для своих товарищей по партии, призывая к расправе над ними. Совсем другие нравы царили в Кремле: если кому-то и перепадало, то исключительно за дело. Сталину даже в эти критические Отечества дни нельзя было отказать в справедливости и великодушии. И эта главная причина, почему нынешние лжедемократы без чувства меры прокручивают заезженную пластинку о жестокости вождя. Сточки зрения отечественной «завлабовской» демократии приказ № 227 и связанные с ним чувства патриотизма, любви к Родине – анахронизм.

И чтобы отсечь народ от его величественного прошлого, ангажированная свора историков проводит беспрецедентную акцию по очернению защитников державных интересов. Атаку на державников начали еще во времена Хрущева, развенчивая деяния Сталина, его полководческий дар.

Несомненно, те, кому это было выгодно, в лице Хрущева нашли идеального «героя истории». Недавно вышла в свет книга известных ученых Б.Г. Соловьева и В.В. Суходеева «Полководец Сталин». Они поведали неприглядную историю из жизни Н. Хрущева. Но сначала напомним читателям о сыне главного докладчика на XX съезде КПСС. Как известно, сын Хрущева Леонид активно сотрудничал в плену с фашистами. Он призывал красноармейцев сдаваться в плен, обещая райские кущи. И тогда Верховный Главнокомандующий приказал нашим разведчикам выкрасть сына Хрущева у немцев. Вскоре Леонид Никитович предстал перед военным трибуналом, который приговорил его за измену Родине к расстрелу. Н. Хрущев умолял И. Сталина не допустить смертной казни. На что И. Сталин ответил: «Вы просите как отец или член ЦК? Как отец? А что я скажу другим отцам, потерявшим своих сыновей?»

Умер И. Сталин, и спустя несколько лет, будучи Первым секретарем ЦК, Хрущев потребовал от министра обороны страны Г. Жукова представить летчика Леонида Хрущева к званию Героя Советского Союза. На что Жуков резко возразил, дескать, предателей не представляют к боевым наградам тем более к высокому званию Героя. Скомкав наградной лист Жуков бросил его в сторону Хрущева. Этот случай и послужил поводом наряду с другими для снятия Г. Жукова с поста министра обороны СССР. К сожалению, этот факт, чтобы обелить Хрущева, предали забвению, впрочем, как и многие другие факты.

Нет сомнений, что И. Сталин догадывался: могут наступить новые времена, и его оппоненты попытаются учинить над ним расправу. Посол СССР в Швеции А.М. Коллонтай сохранила некоторые фрагменты беседы со Сталиным в ноябре 1939 года.

«...Многие дела нашей партии и народа, – говорил Сталин, – будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже.

Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну и как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР – в дружбе народов. Острие борьбы будет нацелено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали.

С особой силой поднимет голову национализм. Он какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, Но только на некоторое время. Появится много вождей-пигмеев предателей внутри своих наций.

В целом развитие в будущем пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что Восток взбудоражится. Возникнут острые противоречия и с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Свое будущее они будут строить на примерах нашего прошлого».

...Но вернемся к приказу наркома обороны за № 227. Это «пятая колонна» снабдила «порушителя русских святынь» подлейшими вымыслами из жития-бытия И.Сталина, замутив «оттепельные» воды истории грязными домыслами. Через критику Сталина открывался путь для развенчивания подвига россиян в годы борьбы с фашизмом. Критикуют Сталина, а на самом деле учиняют расправу над славянами, отечестволюбивыми мусульманами. Приказ наркома обороны за № 227 идеологи «пятой колонны» рассматривают как своеобразную высоту, которую необходимо взять, чего бы это ни стоило. Именно с этой высоты отчетливо просматривается будущее России, наша соборность, сопротивленческий дух. Сравнять с землей эту высоту, на которую так вовремя позвал нас Сталин, – вождь-мечта врагов России. За это они все отдадут. Вне этой высоты мы не нация, а сброд.

Сегодня мы все беженцы в своем Отечестве. Одни бегут от надвигающегося будущего, другие устремлены в прошлое, ищут спасения у духовников. Бывшее древко государственного флага СССР для многих стало посохом...

* * *

Мне вдруг вспомнилась китайская мудрость: «Не дай бог жить в эпоху перемен».

Перемены в СССР происходили явно не в интересах наст государства. Горбачев не в состоянии был воспринимать мир в его целостности и единстве. Он выхватывал лишь отдельные фрагменты из жизни и потому постоянно рушил вязь времен. По-моему, он так и не понял, что Закон – это символ любви ко всему живому, хотя и закончил юридический факультет. Ни в коем случае Закон не должен служить для эгоистических побуждений фарисеев, обслуживать их идеологию. Что значит Закон для личности, славяне почерпнули по крупицам из Евангелия. «Не думайте, что я пришел нарушить Закон, – говорит Христос, – не нарушать я пришел – исполнять!»

Может, самая большая беда Горбачева заключалась в том, что он не научился отличать добро от подделок под добро. Он любил красоваться в зареве перестройки и национальные пожарища в республиках воспринимал не как бедствие, а как еще один спецэффект для освещения своей фигуры. Поразительно, что Горбачев, имея в доме специалиста по Великобритании, будет прислушиваться к советам М.Тэтчер, какие конституционные реформы необхо-

димо провести в СССР. Хотя студенту юрфака известно: Великобритания отличается от других стран отсутствием писаной Конституции. Внимал Генсек и советам Буша – как ограничить влияние спецслужб на важные решения президента. Горбачев, соглашаясь с Бушем, кивал головой, хотя надобно было знать, что «бесценные» советы он выслушивает от бывшего главы ЦРУ, матерого разведчика.

История падения Горбачева началась с политического флирта с М.Тэтчер, когда Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной отправились на «смотрины» в Лондон за год до своего звездного часа. К тому времени «забугорные голоса» всю обсуждали геронтологические проблемы членов Политбюро. При этом столичные слушатели забугорного бреда совсем не замечали, что президент США Р.Рейган – ровесник К.Черненко, а Ф. Миттеран разменял восьмой десяток, когда его переизбрали президентом Франции. Не все также догадывались, что это не Брежнев окружил себя старцами под стать себе. Что сей букет из старцев селекционировал по цветочку Андропов, дабы обеспечить себе мощный финиш в борьбе за главную должность в партийной иерархии. Так что «проблема старцев» имела свою подоплеку.

Раиса Максимовна каким-то седьмым чувством угадала, что именно их семейству сигналят из европейских столиц. Что полный мандат доверия на избрание ее благоверного на пост Генерального секретаря могут обеспечить, как это не выглядело парадоксально, Тэтчер, Рейган и Буш.

Надо отдать должное, на лондонских «смотринах» Раиса Максимовна весьма преуспела. Это была феерия! Несколько раз на день она меняла наряды. То набросит кокетливо на плечики горжетку, то предстанет перед дипломатами в шитых золотом тужельках. Все ждали, что чета Горбачевых отправится на кладбище поклониться Марксу, а нет! Мадам Горбачева проложила новый маршрут, неведомый женам других членов Политбюро. И вот уже блицают камеры вездесущих фотокорреспондентов: супруга Горбачева примеряет бриллиантовые сережки в ювелирном магазине на берегах Темзы! Протокольный венок с крепом для Маркса так и не был востребован. Но почему же? Ведь еще школьником сообразительный Миша Горбачев нарисовал портреты Ильича, за что и получил премию на районных смотрах юных дарований.

Пришло время, и чета Горбачевых «посигналила» сильным мира сего – мол, мы ваш намек поняли. Оставалось спроводить Черненко в последний путь...

Флриту своего благоверного с сиятельной особой с Даунинг-стрит рассудительная Раиса Максимовна придавала огромное значение. В свою очередь, Михаил Сергеевич постарался не заметить прискорбного обстоятельства: «железная леди» в дни фолклендского конфликта отдала приказ потопить аргентинский крейсер «Хенераль Бельграно».

Словом, и «железная леди», и «бриллиантовая дама» из Москвы не переставали восхищаться своим кумиром. Маргарет Тэтчер настолько увлеклась «новым мышлением» Горбачева что не придумала ничего лучше, как напечатать в стране великого Шекспира последние творения Генсека умопомрачительным тиражом: по три книжки на каждого жителя Лондона, восседающего у камина. Каков успех!

При всем при этом позволю себе сделать комплимент домашнему философу Горбачева. Будущие историки наверняка уловят некоторое сходство Раисы Максимовны с Маргарет Тэтчер. Последняя, взглянув на портреты своих предшественников в знаменитом доме на Даунинг-стрит изрекла: «Не беспокойтесь! Я сдвину их всех вниз!»

И Раиса Максимовна не церемонилась: раздражающие ее политические фигуры убирала!

Разглядел Горбачева среди минеральных источников и деревянных орлов Ставрополя Юрий Андропов, он и привел его чуть ли не за ручку в Кремль. Юрий Владимирович был опытным политическим тяжеловесом-борцом, по своему усмотрению создавал политическую ауру вокруг «дорогого Леонида Ильича». Это Андропов осмотрительно согнал на обочину молодых претендентов на высший партийный пост в государстве: Шелепина, Шелеста, Полянского, обвинил в барских замашках и Романова.

Андропов понимал прекрасно, что понятие «враг народа» раздражает общественность, куда более благозвучно звучит «диссидент». Не разобрать: то ли это осуждение, то ли награда, признание заслуг перед другим государством. Вот по чему на закате хрущевской эпохи, когда формировался политический сленг брежневского времени, и укоренилось слово «диссидент».

Сегодня диссиденты «от Андропова» почти все при регалиях, должностях, а кое-кто из них обороняет смятые перестройкой рубежи марксизма.

Поразительно: больше всех пострадали и сегодня не востребованы те, кто остался в стране. Это известные русские писатели, публицисты, философы. И здесь, как мне кажется необходимо вернуться к так называемому делу «русистов», ибо из «дела писателей» будущим политикам предстоит черпать нравственные ориентиры. Поможет сей экскурс в «дело писателей» взглянуть иными глазами и на фигуру Андропова.

В кремлевском деле «русистов» было больше политики, чем литературоведческих изысков. Первую страничку в этом шумевшем деле открыл сам Юрий Владимирович. И потому западные политологи постарались представить это дело как танковую атаку державников в так называемой бескровной «филологической войне». К тому времени в некоторых республиках посчитали зазорным изучать даже язык Пушкина. Вслед за филологическими спорами в республиках получили распространение разные виды сепаратизма: от экономического до политического. К неопишуемой радости нынешних столичных демократов свой гнев Андропов обрушил прежде всего на русских писателей: В. Ганичева, С. Куняева, С. Семанова, В. Сорокина, В. Чалмаева, А. Никонова. Сокрушительной критике подвергли и книгу В.Белова «Лад».

Пожалуй, этой позорной войне с русскими писателями не найти аналога в мировой истории. Мне трудно представить, чтобы государственные деятели Франции или Норвегии развернули беспощадную борьбу со своей национальной литературой, с писателями, повязанными обоюдно «самой жгучей, самой смертной связью». Неужели Юрий Владимирович не знал о «дружеском» напутствии наркома внутренних дел Ягоды М. Шолохову: «А все-таки вы – контрик». И вот о чем я подумал: если бы Юрий Владимирович жил в эпоху Л. Толстого, Ф. Достоевского, он также бы боролся с русской литературой? Почему Андропов запретил Никите Михалкову снимать художественный фильм «Дмитрий Донской» по сценарию известного русского писателя Юрия Лошица? Впрочем, бытует и другое мнение: кто-то же должен был отвечать за всесоюзную политическую наружку. В Кремле стояла ненастная погода, и нет ничего удивительного, что Юрий Владимирович прогуливался по Дзержинке под зонтиком идеологии. Шербургские были явно не в моде. И разве возвращение еще одного расстрельщика русской литературы А.Яковлева из Канады на кремлевский Олимп не штрих в биографии Юрия Владимировича?

Надеюсь, теперь понятно, почему М. Горбачев не воспользовался услугами русской партии и сервировал свою политическую кухню блюдами с тель-авивского стола, усадив за этот стол помощников и референтов Андропова. К тому времени политическая и финансовая столица из США переместилась в Израиль...

Начинал свои экономические реформы Горбачев активно и вдохновенно. Основные ее положения он косноязычно считывал с американского листа, ни в чем себе не отказывая в политической борьбе. И здесь не обойтись без замечания немецкого профессора Шубарта: «Когда Наполеон взял Берлин, немцы встали навытяжку, когда же он взял Москву, русские подожгли свою столицу». Похоже, история повторилась, но в ее трагическом варианте: когда последний Генсек завез в Москву демократию, как ее понимали Рейган и Буш, то порешил, что нашел панацею от всех бед, и на радостях подпалил всю экономику России и братских республик. Вскоре от них остались одни руины. Отныне мы живем в своем Отечестве подобно погорельцам, по всему миру бродим с сумой. Гитлер ограбил Германию, дабы почти 100 миллионов марок вложить в броню, пушки и самолеты. Наши же «новые русские» разворовали Россию, чтобы укрепить могущество других государств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.